

Ирония судьбы Азизы

Век. Москва, — 1995. — 17 марта. — с. 4.

Что на эстраде, что в жизни Азиза — порывистая личность. О ее темпераменте складывают легенды. Кто-то испуганно трепещет: «Разрушительница», — и предпочитает обойти стороной. Кого-то притягивает именно ее страстность, и тогда он охотно рискует своим самолюбием ради близости к ней. Трагедия с комедией ходят парой как по внутреннему ее миру, так и по ближайшему к ней внешнему. Сама Азиза уже привыкла к переливам собственной натуры: от слез — в хохот, от хохота — в слезы. У нее детство было такое — трагическое, судя по историям, которые она рассказывает.

О родителях

ПАПА был инвалидом Отечественной войны, у него в ноге пять осколков осталось, впоследствии он от этого и скончался. В 16 лет пошел на фронт. Раньше я не понимала: отец — на войне! Как же давно мои родители живут, если даже войну захватили, это же вон когда было! А в принципе-то все рядом. Для меня они и тогда были пожилыми, иными я их не знала, не представляла. А сейчас время будто сузилось. Я догоняю свою маму. Прежде видела в ней маму, теперь — просто подругу. Словно она остановилась, а я быстро приближаюсь. На маму я почти не похожа, больше на отца. Он был композитор, Заслуженный деятель искусств Узбекской ССР. Его изучают в консерватории — считается классиком узбекской музыки.

Я — поздний ребенок в семье. Маме было 39 лет, папе — за сорок. Он мечтал о сыне. У него уже росли три дочери, одна — от первого брака. И когда маме сказали, что снова будет девочка, она решила не рожать, чтобы мужа не расстраивать. Жизнь было трудно, денег не хватало... О том, что произошло дальше, мне позже рассказала мама. Моя бабушка, которая умерла, когда мне было четыре годика, — я запомнила ее власт-

ной женщиной с клюкой — семимильными шагами догнала маму по дороге в больницу и сказала: «Если ты это сделаешь, две твои дочери или вообще умрут, или будут несчастны всю жизнь». Мама испугалась и решила меня оставить. А сейчас она мне говорит: «Я с ужасом представляю, что могла сделать так, чтобы тебя не было». Но два года назад, когда я столкнулась с несправедливостью и мне не хотелось жить, уже я ей говорила: «Зря ты меня оставила, лучше бы меня не было, не страдала бы ни я, ни ты из-за меня». И она мне: «Не говори так, доченька, Бог тебя накажет, потому что это его воля, что ты родилась».

О школе

АО недавнего времени меня часто тянуло в школу. Все-таки одиннадцать лет жизни — я училась в одиннадцатилетке с музыкальным уклоном. Но побывав там год назад, я испытала странное ощущение — хотелось быстрее убежать. Показалось, ничего уже не вернешь, все чужое. Выбежать бы, встряхнуться и сказать себе раз и навсегда: это был очередной сон. И я подумала: «Неужели с каждым годом, чем взрослее буду, тем страшнее станет встреча с моим прошлым, со школой?» И вот недавно я приехала в Ташкент с друзьями, и в

первый же день мы взяли любительскую кинокамеру и пошли в школу в 12 часов ночи, пробираясь по-пластунски. Может, это зависело от настроения, в котором я пришла, может, от моего окружения, но было состояние удивительной легкости. Я забегала в спортивный зал и полезла, как обезьянка, по всем турникам, ворвалась в класс, где стоял рояль, села, стала вспоминать, сыграла кусочек из рапсодии Брамса. За роялем я всегда себя увереннее чувствовала, чем за партой. И после этого похода в школу я успокоилась. Меня туда уже не тянет. Хотя раньше мучило ощущение, что я школу не поблагодарила, хотелось пойти, как в церковь, — замолить грехи, попросить прощения.

О комплексах

В9 лет я разбилась. Как раз в день рождения. Мама оставила меня в школе поиграть с подругами, я забралась вверх по пожарной лестнице, нога подвернулась, и я выскользнула между перилами. Пролетела два с половиной этажа. На всю жизнь запомнила:

страшный звон в ушах, я вскочила на ноги, посмотрела на подружек, а у них круглые глаза и белые лица, я удивилась, нагнула голову, увидела, что я босая, сандалии отлетели, и в этот момент изо лба просто-таки водопадом хлынула кровь. Я испугалась, заорала, но в обморок не упала. Помню, как меня положили на операционный стол, пошел наркоз, даже сон свой помню: школа и через несколько метров мой дом — я жила рядом, и от школы до дома дорога идет вверх, и я карабкаюсь туда, к дому, цепляюсь пальчиками за землю и соскальзываю, вижу впереди маму с протянутыми руками, хочу кричать, а голоса нет. Что-то страшное. Потом я пришла в себя, открыла глаза и слышу слова доктора: «Ей нужно сделать укол, чтобы она проснулась, а-а, не надо, у нее уже глазки бегают, значит, живая». Услышав это «живая», я тогда в первый раз подумала: интересно, что же, я могу умереть? После этого остался длинный шрам. Я стала стесняться открывать лоб и постоянно носила челку. А в 8-м классе решила бороться с этим комплексом. Но стоило мне открыть лоб, как меня начали

жалеть. И я опять спрятала шрам под челкой, лишь бы не жалели.

О характере

МНЕ было одиннадцать лет. Я приехала в пионерский лагерь. Известно, как дети в лагерях не любят днем спать. Кто в редколлегии — рисует газету, кто в самостоятельности — репетирует. А самые обыкновенные вынуждены спать. И я решила: не буду! Значит, надо что-то придумать. То я ходила рисовать, благо хорошо рисую, то в кружок на репетиции. И вот я все отрепетировала, отрисовала, и ничего не оставалось, как все-таки спать. Но я захотела избежать этого во что бы то ни стало. Перед тихим часом к нам зашел вожатый и спросил: кто умеет плавать? Я умела и радостно закричала: «Я!» Мне говорят: через два дня соревнования между отрядами. А я никогда не соревновалась. Но не могла допустить, что могу проиграть. Во мне была абсолютная уверенность, что справлюсь. И вот через два дня раздался выстрел стартового пистолета, все кинулись в воду, при-

чем лихо так нырнули, а я нырять не умела, поглядела налево-направо, зажала нос и солдатиком ушла под воду. Время будто остановилось. Я почувствовала, что не двигаюсь с места, хотя изо всех сил гребу руками-ногами. И тут я увидела, что все дети уже плывут обратно, а я никак не могу тронуться. Я поняла, что опозорилась, и начала кричать: «Товарищи! У меня судорогой свело ногу!» Меня за уши вытащили из воды, положили на носилки. А я лежу и думаю: какая же я сволочь, почему я так делаю? И ведь было искреннее желание постоять за свой отряд, где плавать вообще никто не умел. Как выяснилось, я тоже не умела, но хотя бы вызвалась. Осознав, что это будет позор не только мой, но и чести моего коллектива, я предпочла пойти на компромисс с совестью и соврать про судорогу. После того случая я уже не вызываюсь, не подумав, смогу ли выполнить то, за что берусь. Хотя понимаю и оправдываю людей, которые не сдерживают такие искренние порывы.

Записала Алла ПЕРЕВАЛОВА

